

ЛЭЙ МИ

ШЕПОТ ГРЕХА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44
Л92

The Scent

Lei Mi

Copyright © 2022 by 雷米 (Lei Mi)
Russian translation rights authorized by China Educational
Publications Import & Export Corporation Ltd.
All Rights Reserved

Лэй Ми.

Л92 Шепот греха / Лэй Ми ; [перевод с китайского Д. С. Зайцевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 576 с. — (Ток. Иямису-триллер о профайлерах и маньяках).

ISBN 978-5-04-204177-8

Приговор. Двадцать лет назад в городе С. был приговорен к смертной казни Сюй Минлян. Он насилует и убивал женщин, а потом разбрасывал по городу их расчлененные тела. Все улики против него.

Оплошность. Капитан полиции Ду Чэн и супруг одной из погибших, Цзи Цянькунь, единственные, кто не сомневается: следствие ошиблось. Казнен невиновный человек. И теперь, выйдя на пенсию, Ду Чэн твердо намерен выяснить, кто же на самом деле виновен в смерти несчастных женщин.

Союз. Поиски приводят полицейского в дом престарелых, где последние пару десятков лет живет Цзи Цянькунь, все так же полный яростной решимости отыскать убийцу своей жены. Более того, он ведет собственное расследование. Мужчины понимают: чтобы сложить все детали головоломки, им нужно работать вместе.

Вот только Ду Чэн смертельно болен. Да и здоровье Цзи Цянькуня оставляет желать лучшего...

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-204177-8

© Зайцева Д. С., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Я боюсь только одного —
оказаться недостойным моих мучений.*

Ф. М. Достоевский

ПРОЛОГ

Признание

«Насколько же чист этот белый...»

Когда он клеил полиэтиленовую пленку на стену ванной, в его голове задержалась только одна мысль: неужели плитка *настолько* белая?

Сколько раз он чистил здесь зубы, умывался, ходил в туалет — и только сейчас задержал внимание на стенах... Все казалось ему чужим. Но у него была причина чувствовать отстраненность, так как все полотенца, зубная паста со щеткой и остальные уходовые принадлежности уже были сложены в коробку — на раковине совсем ничего не осталось. И даже зеркало было покрыто пленкой.

Время от времени, отвлекаясь от своего занятия, он поднимал голову и смотрел на взмокшее от пота лицо, отражавшееся в полупрозрачном материале. И сразу же отворачивался.

«Это не я».

Заполнить собой такое узкое пространство тоже было нелегким делом. Хорошо, что он уже завершил самую трудную часть поклейки. Ванна скрывалась за двумя слоями обмотанной вокруг нее пленки. Слив был вытасчен, в нем торчала новая сточная труба. Все та же пленка была наклеена вокруг него, создавая подобие дренажа.

«Беспроегрышно».

Подняв голову, он смерил взглядом потолочную плитку. Бледный свет плафона отражался от алюминиевых листов и слепил глаза. Мужчина прищурился.

Сильное нервное напряжение приумножило вялость тела и усталость. По той же причине он чувствовал, как исчезает решительность.

«Нет! Хватит!» Он с силой потряхнул головой, вынуждая себя переключиться на другую задачу.

«Интересно... сможет ли она брызгать *настолько* высоко?»

Он кое-как подтянулся вверх, приподнимаясь на носках, — поясница отдавала ноющей болью — и подтащил пленку к потолку.

Через несколько минут вылез наружу и перевел дух, подумав о том, что словно оказался в мире сновидений — все казалось ненастоящим.

И хорошо. Такая призрачная атмосфера придавала мужества, поскольку то, что он собирался сделать дальше, было совершенно новым опытом.

Подождав, пока дыхание успокоится, он начал раздеваться и вскоре остался только в резиновых перчатках. А затем развернулся и направился в гостиную.

Диван тоже был обмотан пленкой. На нем лежала голая девушка, руки и ноги которой были крепко стянуты скотчем.

Девушка не шевелилась. Почти не дышала.

Он наклонился и дотронулся до ее шеи. Однако не почувствовал ни единой пульсации под пальцами, покрытыми резиновыми перчатками. Снова приблизил свою руку к носу девушки — и наконец ощутил жаркое влажное дыхание.

Он был доволен и полон страха. Доволен потому, что девушка еще была жива — а ему было необходимо выполнить все четко по плану. А страх ощущал потому, что ему ничего не оставалось, кроме как выполнить тот самый последний пункт.

Он склонился, чтобы взять девушку на руки. Она оказалась намного тяжелее, чем можно было ожидать. Неожиданно в его голове всплыло «тяжелая, как корова». Настроение мигом упало до самой низшей точки.

И ровно в этот момент он наконец отчетливо понял, что делает.

* * *

То же место. Та же ночь. Он думал об ощущениях и настроении год назад.

В его руках было неподвижное тело. Не было тепла, сосудов, костей и мышц. Тело уже не было чьей-то дочерью, женой или матерью. Только игрушкой, которую можно использовать как заблагорассудится.

Здесь и сейчас все и произойдет подобным образом — ошибки не было.

* * *

Когда он только клал ее в ванну, уже ощущал себя морально измотанным. Из-за незначительных движений и прикосновений девушка, пребывавшая без сознания, постепенно начала приходить в себя — она прижала к себе ноги, приоткрыла веки...

Он не осмелился посмотреть ей в глаза, только повернулся и взял вантуз, стоящий в углу. Затем раскрыл презерватив и надел на его рукоять.

Эту часть плана необходимо было выполнить — в конце концов, он просто не может не закончить. Сегодняшним вечером пробовал несколько раз — и всё без толку. Остается лишь надеяться на этот способ.

Девушка окончательно проснулась и теперь вырывалась изо всех сил. Но тщетно — она была крепко связана по рукам и ногам.

Стоило ей увидеть его, как она отчаянно замотала головой. Глаза заблестели от слез, а через заклеенный рот просачивалось невнятное мычание.

Крепко держа вантуз, мужчина стоял перед девушкой на коленях. Он немного замешкался — не знал, что делать дальше. Но первое, что пришло в голову, — успокоить доведенную до безумия жертву.

— Извини, — он немного свесил голову и, казалось, больше успокаивал себя, — я сделаю так, чтобы было не очень больно.

Но жертва уже не понимала значения этих слов, лишь пыталась отползти назад. Глухое мычание превратилось в прерывистый визг. Напрягая все силы, чтобы не дать ему приблизиться, она пыталась лягаться.

Девушка была длинноногой и белокожей. На внутренней стороне стоп можно было увидеть бледно-голубые вены.

Он закрыл глаза, попытавшись унять бешено колотящееся сердце. Но височная впадина по-прежнему пульсировала, будто что-то пыталось пробиться сквозь кожу.

Бесчисленные картинки и запахи смешались в неразбериху.

«Извини».

Он распахнул глаза и потянулся к колену девушки.

«Умоляю, прости меня».

* * *

Миновала полночь.

На севере Китая глубокая осень означает увядшую листву, которая рассеивается по ветру; прохладу воздуха; смесь запаха гнили и ароматов еды, запасенной на зиму. И в то же время следы человека на улице становятся редки, особенно в этот отрезок времени.

Он неподвижно сидел в салоне автомобиля и смотрел перед собой. Держал руль так крепко, что были видны костяшки пальцев. По радио шла программа «Хит дня» — играла песня Дэнни Чэня «Люблю только тебя».

Ему было необходимо, чтобы этот тесный салон заполняли какие-то звуки — хотя бы песни. Любая подходила; нужно было лишь, чтобы что-то отвлекало его, било по перепонкам. Иначе он снова будет слышать шорох черного полиэтиленового пакета в багажнике.

А в голове снова будут проигрываться звуки рассечения кожи, фонтаном бьющей крови, хруст распиливания костей...

И последний стон, вырвавшийся из женской глотки.

* * *

Заросли рядом с городским садом. Южное русло реки. Искусственный водоем в парке Бэйху. Разделительная полоса дороги на улице Дунцзян. Мусорный бак на пересечении северной улицы Нанкин и Сыдацяо.

Когда он избавился от черных полиэтиленовых пакетов, было уже четыре утра. Он остановил машину в темном глухом переулке и снова осветил карманным фонарем багажник. Там не осталось и следа крови. Похоже, то, что он наглухо и плотно завязал пакеты, все же имело смысл. Но запах по-прежнему был очень навязчивым.

Мужчина просунул голову в багажник, всматриваясь и приносясь. Внезапно он почувствовал рвотные позывы и, немедленно закрыв рот рукой, поковылял к обочине дороги.

Прошел почти целый день с тех пор, как он что-то ел, поэтому вырвало его остатками вчерашнего завтрака и желудочным соком. Теперь его желудок был совершенно пуст, но он по-прежнему не мог сдерживать непрекращающиеся позывы в горле. И в конце концов в полуприседе скорчился около электрического столба. С уголка губ свисала длинная нить слюны. Он пытался отдышаться, выходя при этом словно собака с высунутым языком.

Чуть позже он усилием воли заставил себя подняться. Вытер рукавом губы, вернулся к машине и закрыл багажник. Затем обошел машину и сел в нее, заводя мотор.

* * *

Он ехал на восток. На небе все еще не было ни единого всполоха рассвета. Вдали виднелась лишь черная, как смоль, полоса многоэтажек на фоне такого же темного неба.

Вдалеке он увидел одинокий красный фонарь. Его осенило, и он заглушил двигатель.

То была двойная темно-коричневая дверь; в свете фонаря можно было различить надпись «Отделение полиции улицы Хуайхэ». Рядом с дверью — окно, в котором еще горел свет. Стекло было полностью покрыто водяным паром. За столом виднелась едва различимая фигура человека.

...В отделении полиции на улице Хуайхэ дежурный полицейский, наклонившись над столом, клевал носом. Он не знал, что, как только начнет светать, весь город потрясет ужасающее преступление. И тем более не догадывался, что сейчас перед участком стоит автомобиль, а водитель молча смотрит в его окно, беззвучно говоря: «Арестуйте меня».

ГЛАВА 1

Первая встреча

Автобус затрясся и остановился.

Вэй Цзюнь открыл глаза и снял наушники, потянувшись за портфелем. Остальные пассажиры начали постепенно раскачиваться: поправлять одежду, потягиваться после дремы. Юноша подождал, пока автобус освободится наполовину, и только тогда вышел наружу.

Все собирались на незанятом пространстве, болтая и оглядываясь по сторонам. Один высокий парень достал из своего портфеля сложенную в несколько раз красную ткань — ей оказалось поперечное полотнище с напечатанными на нем белыми иероглифами «Волонтерская бригада “Красная свеча” педагогического университета города С.».

Девушка с собранными в хвост волосами и камерой в руках позвала их к себе:

— Кучнее, ближе к середине... те, кто пониже, встаньте вперед. Не опускайте плакат на землю... вот, так хорошо. Эй, мальчик! Посмотри сюда, пожалуйста.

Вэй Цзюнь залип на трехэтажное здание за спиной фотографа — до того момента, пока парень рядом не пихнул его. И только тогда понял, что обращаются к нему.

Фотограф, кинув на него недовольный взгляд, подняла камеру.

— Раз, два... три!

— Сы-ыр!

* * *

Настало время обеда, и из столовой потянулась смесь запахов. В ней можно было разобрать аромат вареного риса, лука, картофеля и китайской капусты. К тому же

определенно было что-то еще, что-то липкое и давящее. Вэй Цзюн не мог распознать, что именно, но ощущал тяжесть и силу этого запаха.

Девушка с хвостиком кормила пожилую женщину. У старушки была болезнь Паркинсона — ее голова постоянно дергалась, а у девушки, очевидно, не было опыта заботы о подобных больных. Она то и дело роняла часть еды на одежду женщины. Поэтому задачей Вэй Цзюна было безостановочно вытирать рот старушки, причем необходимо было делать это быстро. Если парень задумывался хотя бы на минуту, то встречался с недовольством девушки с хвостиком. Когда женщина наконец доела, салфетки его в руках полностью закончились.

Девушка с хвостиком, довольная собой, отодвинула пустую тарелку и сказала старушке (было очевидно, что та не наелась):

— Тёть, попейте воды... Эй, ты чего застыл?

— А? — Эти слова вернули Вэй Цзюна в реальность, и он поспешил набрать стакан воды.

Девушка поднесла стакан ко рту пожилой женщины, а затем, повернув голову, хмуро взглянула на него.

— Давай-ка ты пойдешь к старикам и составишь им компанию...

Вэй Цзюн молча смотрел на то, как по груди старушки ручейком стекают слюни, а голова дергается, будто женщина хочет сбросить что-то с плеча.

* * *

Дом престарелых «Кленовый лист» был трехэтажным зданием на семьдесят с лишним комнат, а стариков в нем жило еще больше — около сотни. Обычно время обеда было самым занятым для местных работников, но так как приехали волонтеры, персонал с огромным удовольствием отдыхал — собирался кучками и болтал о своем. Волонтеры же занимали стариков разговорами, одновременно с этим убираясь в их комнатах.

Вэй Цзюн время от времени останавливался около раскрытых настежь дверей, слушая разговоры. Обсуждалось, холодно ли здесь зимой, хороша ли еда в столовой. Волонтеры также вежливо интересовались возрастом стариков. Вэй Цзюн очень быстро заметил, что разговоры были как под копирку. Оно и понятно: после того как волонтеры обменивались любезностями с пожилыми людьми, им очень сложно было найти подходящую тему. Старики же, наоборот, умели поддерживать любой диалог, поэтому в каждой из комнат было по несколько оживленно болтающих стариков — и студентов, которые старались делать вид, что слушают.

Вэй Цзюну такая атмосфера немного наскучила. К тому же он наконец понял, что же за тягучее и неприятное чувство царило сегодня за обедом в столовой.

Одиночество.

А вместе с ним и страх смерти.

Он медленно прошел мимо комнат, где звучали смех и громкая болтовня, все больше и больше ощущая тяжесть своих шагов. Он не понимал, в чем вообще смысл подобного волонтерства. Они всеми силами пытаются доказать: память стариков все еще свежа, а сами они полны жизненной энергии; волонтеры же могут наполнить эти минуты любовью, заботой и отзывчивостью. Вот только через несколько часов все вернутся к своему привычному ритму жизни: старики продолжают считать оставшиеся им дни, волонтеры же продолжают проматывать молодость и устремляться к бессмысленному будущему.

В раздумьях Вэй Цзюн даже и не заметил, как дошел до конца коридора. Машинально поднял глаза — и обнаружил единственную закрытую дверь.

«В комнате нет людей?»

Взгляд его упал на курящего рядом санитаря. На вид мужчина был довольно холоден: лишь коротко помахал рукой в знак приветствия и указал на дверь.

Все-таки там кто-то есть.